

ЦИФРОВИЗАЦИЯ ПРАВА: СТАНОВЛЕНИЕ ИДЕИ, ОСНОВНЫЕ ДЕФИНИЦИИ, СОВРЕМЕННЫЕ КОНЦЕПЦИИ

О. М. Ленцевич

Белорусский государственный экономический университет,
канд. ист. наук, доцент

Аннотация

В статье проводится анализ идей и теорий, которые легли в основу процесса цифровизации, охватившего сегодня различные сферы общественных отношений. Исследуется этимология основных терминов и понятий, описываются исторические предпосылки, а также современные теоретико-правовые учения, направленные на осмысление сущности, места и роли цифровизации в мире.

Ключевые слова: бинарный код, цифровизация, виртуальная реальность, киберпространство, цифровой либертарианизм, суверенитет киберпространства.

Современное общество, его политические, социальные и экономические институты невозможно представить без цифровой реальности, которая находит для себя все более широкую сферу применения. Являясь одной из наиболее значимых характеристик постиндустриального общества, для которого характерно возрастающее значение информации в общественных отношениях, цифровизация проникает в различные сферы социума и воспринимается как явление исключительно дня сегодняшнего.

Однако истоки восприятия мира в числовых значениях имеют весьма глубокие корни. В настоящей работе автор исследует философские, религиозные и научные теории, с эпохи древности и до наших дней, в поисках истоков идей информационно-коммуникационных технологий, составляющих сегодня суть цифровизации.

Первым из философов, утверждавших, что подлинная реальность может быть осмыслена посредством величин и дискретных количественных понятий, считается *Пифагор Самосский* (ок. 570 – ок. 500), известный математик, основатель философской школы, государственный деятель, приведший в Кротоне своих сторонников к власти. Ему принадлежат первые попытки введения числовых обозначений не только для физических явлений, но и для описания мира. Именно Пифагору, по устоявшейся традиции, приписывают введение в оборот термина «космос»: «Мнения философов, II, 1, 1: Пифагор первый назвал Вселенную «космосом» по порядку (ta>xiv), который ему присущ (21)» [1]. Вселенная для философа – стройное целое, подчиненное законам «гармонии и чисел». Число является началом и сущностью мира: «Числу все вещи подобны». Мировая гармония представляет собой числовую

соразмерность; её элементом является справедливость, которая представляет собой воздаяние равным за равное и выражается числом четыре (первый квадрат: число, умноженное само на себя). Вместе с правдой справедливость представляет собой равенство, как равную меру нормирования неравных отношений: «По словам Тимея, Пифагор первый сказал, что у друзей все общее и что дружба – равенство. И ученики его вносили свои состояния в одну общую кассу» (23) [1]. Таким образом, Пифагор стоит у истоков юридизации понятия «равенство».

Особый интерес представляет учение пифагорейцев о противоположностях, разделенных на два ряда, один из которых носит положительный, а другой – отрицательный характер. Перечень «координат», как они названы учениками Пифагора, приводит Аристотель в «Метафизике» [2, с. 76]. Представим их в виде таблицы 1:

Таблица 1 – Перечень «координат» Аристотеля

<i>Свет, добро, единство, активное (мужское) начало</i>	<i>Неопределенность, мрак, недостаток, пассивное (женское) начало</i>
предел	беспредельное
нечетное	четное
единое	множество
правое	левое
самец	самка
покоящееся	движущееся
прямое	кривое
свет	тьма
хорошее	дурное
квадратное	продолговатый квадрат

Образование мира происходит в процессе гармоничного устройства противоположностей, – данный тезис пифагорейцев можно рассматривать в качестве прообраза бинарного кода, который сегодня является основой цифровых технологий и может применяться к описанию не только технических, но и любых социальных процессов.

Дуализм Платона (427 – 347) представляет собой сочетание динамичной формы идей и пассивной, бесформенной материи. Нам, однако, философ интересен своей объективно-идеалистической концепцией, в которой Н. Егоров усматривает истоки идеи виртуальной среды [3, с. 40]. «Мир идей» представляется мыслителю объективной реальностью, а ощущаемая материальная действительность – искусственной, виртуальной средой.

О. Немыкина же усматривает первоначальную формулировку идеи виртуального у Аристотеля (384 – 322), у которого при отсутствии самого понятия, в противоположность объективной реальности, существует идея – как ведущая сила разума, возможность, потенция, которую мыслитель определяет как «*dynamis*» [4, с. 54].

Термин «виртуальность» имеет латинское происхождение от *vir* – муж, мужчина, мужественный человек, к *virtus* – доблесть, физическая сила, мужество, моральное достоинство и др. [5, с. 1082; 1084] – совокупность превосходных качеств, присущих мужчине (см. «координаты» пифагорейцев –

О.Л.). *Цицерон* (106 – 43) использует термин *virtus*, подразумевая высшую добродетель – любое положительное физическое или духовное качество или умение, которое находит своё выражение в действиях [3, с. 41].

К термину «*virtus*» обращается *Августин Блаженный* (354 – 430), применяя его и как силу/мужественность, и как добродетель. Епископ Гиппона отмечает *virtus* как условие самосознания души, отделяющей себя от телесного, т.е. ложного [3, с. 41]. Так понятие переходит в христианский богословский лексикон, постепенно исчезая из обыденной речи.

Средневековая христианская схоластика, беря за основу работы Аристотеля, вкладывала двоякий смысл в среднелатинское «*virtualis*»: способность к действительности [6, с. 73], к добродетельным поступкам, и в то же время – отличное от реальности бытие. *Фома Аквинский* (1225 – 1274) в «Сумме теологии», исходя из тезиса о человеке как о единстве тела и души, через понятие «*virtus*» объясняет сосуществование реальностей различного уровня: мыслительная душа виртуально содержит в себе душу животную (чувствующую) и душу растительную (питательную), а также все низшие формы. «*Virtus*» для него – и добродетель, и божественная сила [7, с. 651].

У францисканского богослова и философа из Шотландии *Иоанна Дунса Скота* (1266 – 1308) виртуальное, в противоположность естественному пространству, содержит информационный эквивалент вещей, у немецкого теолога, философа и математика *Николая Кузанского* (1401 – 1464) – идею потенции, семени [6, с. 75]. В средневековье, таким образом, общего понятия «*virtus*» не сложилось. Схоластическое «*virtus*», субъективный образ объекта, добродетели, потенции позднее встречается у *Канта*, *Лейбница*, *Гегеля* [4, с. 55; 8, с. 41].

«Новую жизнь» понятие «*virtus*» получило в XX в., с развитием компьютерных технологий. Традиция связывает появление термина «виртуальная реальность» с изобретателем *Джароном Ланье* (1984 г.). Однако Д. Соловов отмечает, что еще в 1938 г. французский писатель Антонен Арто в книге «Театр и его двойник» описывал театр как «потенциальную реальность» (в англ. переводе – *virtual reality*) [6, с. 72].

Виртуальные частицы представляют собой объективно существующую реальность, которая влияет на реальный мир. С развитием компьютерных технологий виртуальное становится зримым, – искусственно созданная благодаря техническим средствам среда передается нам через органы чувств. Сегодня общее понятие «виртуальности» отсутствует, – многочисленные доктринальные определения исходят из того, что это нечто отличное от реального бытия [9, с. 75], но проявляющееся благодаря программному обеспечению [8, с. 43], а также «... понятие, обозначающее состояние, возникающее в результате взаимодействия определенных элементов объективной и субъективной действительности (элементов нашего сознания, компьютера и человека), при наличии определенных искусственно созданных условий и взаимосвязей внутренних компонентов целого, существующее как относительно самостоятельная целостная структура неопределенное время и характеризующееся неопределенностью своего бытия» [4, с. 60].

Интернет представляет собой глобальную информационную виртуальную компьютерную среду, которая носит прежде всего кибернетический (цифровой) характер. Основой передачи информации здесь является бинарный код, позволяющий представлять любую информацию в цифровых значениях. Использование данного кода лежит в основе процесса цифровизации, предполагающего повсеместное внедрение цифровых технологий в различные сферы жизнедеятельности общества.

Термин «цифровой» происходит от латинского *digitus* – палец, *digitalis* – пальцевой, в смысле счет с помощью пальцев [5, с. 327]. Впервые тенденция роста цифровых технологий была отмечена в экономике. Концепция «цифровой экономики» была сформулирована канадским ученым *Доном Тапскоттом* в 1995 г.

Однако еще в начале 1990-х гг. в США появились работы ученых-юристов, которые объединяла общность взглядов на понимание роли права в киберпространстве: Дж.П. Барлоу (Гарвардский университет), И.Т. Харди (Школа права Вильяма и Мари), Г.Г. Перритта (Школа права Чикаго-Кент Технологического института Иллинойса), Д.Г. Поста (Школа права университета Джоржтауна), Д.Р. Джонсона (Институт права киберпространства). Направление получило название «цифрового либертарианизма» и стало одним из первых, обосновавших особенности правовых аспектов киберпространства на этапе его становления. Несмотря на то, что многие гипотезы киберлибертарианцев не нашли практического подтверждения, теория оказала существенное влияние на развитие правовой мысли в различных странах. Из наиболее значимых их идей следует выделить:

- обоснование тезиса о том, что интернет образует самостоятельное юридически значимое пространство, которое может быть рассмотрено наряду с территорией земли, водным и воздушным пространством, определяющими суверенные границы государства (что впоследствии нашло отражение во внутреннем праве ряда государств) [10, с. 241];

- проблему естественно-правовых основ прав человека в применении к киберпространству: киберлибертарианцы, с одной стороны, не настаивали на обеспечении неограниченных свобод человека, однако отмечали тенденцию ограничения вмешательства государства в правовое регулирование киберпространства за счет снижения доли правовых предписаний, принуждения в праве и запрета на вмешательство государства в наиболее чувствительные сферы прав и свобод (свобода выражения мнения, свобода информации, конфиденциальность);

- принцип саморегулирования («сетевой этикет»), который будет использоваться в информационном пространстве вместе с внутригосударственным и международным правом, – сбалансированный подход, который позволит реализовать либеральные принципы;

- идею ограничения государственного суверенитета в киберпространстве и противопоставление ему квази-суверенитета сетевых сообществ [10, с. 237];

– проблему сочетания внутригосударственного и международного права, поскольку информационное пространство не ограничено территорией одного государства, что требует выработки новых подходов к правовому регулированию межгосударственных и международных отношений [11, с. 14–15].

Наиболее последовательным критиком идей киберлибертарианцев стал сторонник государственно-патерналистического подхода, основатель доктрины интернет-права, идеолог движения за свободную информацию, профессор права Стэнфордского университета Лоуренс Лессиг: только государство может стать гарантом соблюдения установленных для Интернета правил; проблема сочетания внутреннего права государств не является уникальной и может разрешаться в рамках коллизионного права; государство будет искать способы воздействия на интернет-пространство для выполнения своих функций через лиц, предоставляющих услуги и технологическую базу (операторов связи); одной из форм регулирования Интернета на международном и национальном уровне может стать программный код.

Таким образом, современная концепция цифровизации прошла долгий путь становления, от попыток осмысления социальной реальности посредством величин и дискретных количественных понятий до формирования оригинальных концепций регулирования киберпространства. Сегодня это одно из самых перспективных направлений как в части теорий, так и в практической деятельности.

Список использованных источников:

1. Пифагор [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.plato.spbu.ru/TEXTS/lebedev/pifagor.htm> – Дата доступа: 15.10.2022.
2. Аристотель. Метафизика / Аристотель // Сочинения: в 4 т.; ред. В.Ф. Асмус. – М. : «Мысль», 1975. – Т. 1. – 550 с.
3. Егоров, Н. С. Категория виртуальности в истории философии от античности до нового времени / Н. С. Егоров // *Colloquium-journal*. – 2019. – № 1 (25). – С. 40–43.
4. Немыкина, О. И. Понятие виртуальности в философском контексте / О.И. Немыкина // *Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Гуманитарные науки*. – 2011. – № 1 (17). – С. 53–62.
5. Латинско-русский словарь / под ред. И.Х. Дворецкого; изд. 2-е, перераб. и доп. – М. : «Русский язык», 1976. – 1096 с.
6. Соловов, Д. Н. Понятие виртуальности в философии средневековья / Д. Н. Соловов // *Вестник РУДН. Серия: Философия*. – 2010. – № 4. – С. 72–76.
7. Аквинский, Ф. Сумма теологии. Т. IV : Первая часть Второй части. Вопросы 68-114 / Фома Аквинский; пер. с лат.; под ред. Н. Лобковица, А. В. Апполонова. – М. : Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2012. – 688 с.
8. Васильева, Л. Н. Цифровизация общества и перспективы конституционного развития / Л. Н. Васильева, А. В. Григорьев // *Журн. рос. права*. – 2020. – № 10. – С. 40–58.

9. Егоров, Н. С. Категория виртуальности в истории философии от XIX века до современности / Н. С. Егоров // Colloquium-journal. – 2019. – № 2 (26). – С. 72–75.

10. Туликов, А. В. Зарубежная правовая мысль в условиях развития информационных технологий / А. В. Туликов // Право. Журнал ВШЭ. – 2016. – № 3. – С. 235–243.

11. Талапина, Э. В. Право и цифровизация: новые вызовы и перспективы / Э. В. Талапина // Журн. рос. права. – 2018. – № 2. – С. 5–17.